Демографический переход и «демографическая безопасность» в постсоветских странах

Александр Сидоренко¹

1 Европейский центр политики и исследований в области социального благосостояния, Вена, Австрия

Получено 1 September 2019 ♦ Принято в печать 28 September 2019 ♦ Опубликовано 30 September 2019

Цитирование: Sidorenko A. (2019) Demographic transition and “demographic security” in post-Soviet countries. Population and Economics 3(3): 1–22. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e47236>

Аннотация

Обзорно-аналитическая статья посвящена взаимоотношениям демографического перехода и национальной безопасности. Основное внимание уделено странам бывшего Советского Союза. Обосновывается, что наряду с двумя традиционными подходами политики в области народонаселения — предотвращением и преодолением негативных последствий демографического перехода — все большее значение приобретают меры адаптации к демографическим переменам.

Ключевые слова

Демографический переход; демографическая безопасность; постсоветские страны

Коды JEL: J10, J11, J18

Введение

Понятие «демографическая безопасность» рассматривается в том числе и в русскоязычной литературе как один из компонентов государственной, или национальной, безопасности [Глушкова, Хорева, 2014; Рыбаковский, 2003; Эпштейн и др., 2013; Cincotta, 2004; Goldstone, 2002; Nichiporuk, 2000]. Демографическая безопасность может служить центральным и объединяющим компонентом национальной безопасности, который обеспечивает взаимодействие всех остальных элементов национальной безопасности — военного, экономического, социального, культурного, личного и пр. [Карманов и др., 2015], или может быть «платформой для всех без исключения других аспектов национальной безопасности» [Боков, 2015].

Сферы национальной безопасности, наиболее подверженные влиянию демографических факторов, включают состояние вооруженных сил и сил внутренней безопасности,

а также рынок труда. Через рынок труда опосредуется влияние демографических факторов на другие сферы государственных структур и функций, зависящие от собираемости налогов и соответственно величины бюджета на социальное обеспечение и социальную защиту, услуги здравоохранения и социальные услуги.

Понятие демографической безопасности принято связывать с демографическими процессами, вызывающими изменения численности и демографической структуры населения, включая географическое распределение, а также возрастной, этнический и религиозный составы [Рыбаковский, 2003; Cincotta, 2004]. Такие изменения могут восприниматься как угрозы безопасности на разных уровнях — от личного до глобального [Карманов и др., 2015].

Основными демографическими факторами, которые связывают с формированием политической нестабильности и возникновением конфликтов, в том числе вооруженных, могут быть следующие [Cincotta, 2004]:

1. *Увеличение доли молодого взрослого населения (15–29 лет) среди населения «работоспособного» возраста*, т.е. так называемый «молодежный пузырь». В странах с наличием «молодежного пузыря» вероятность возникновения гражданских конфликтов в среднем в 2,5 раза выше, чем в других странах; по крайней мере такая зависимость была отмечена в 1990-е гг. [Cincotta et al., 2003].

2. *Быстрая урбанизация*, сопровождающаяся концентрацией в городах молодого взрослого и зачастую безработного населения. «Молодежный пузырь» в развивающихся странах формируется преимущественно в городских условиях [United Nations, 2017].

3. *Смещение половой структуры населения в сторону преобладания мужского пола*. Эта угроза вряд ли относится к постсоветским странам: за исключением Таджикистана, во всех постсоветских странах число женщин превосходит число мужчин. Преобладание женского пола в структуре населения увеличивается с возрастом когорт, поскольку в странах Восточной Европы и Центральной Азии существует наибольший в мире разрыв между показателями продолжительности жизни женщин и мужчин при рождении: в 2017 г. он оставался на уровне 9,1 года, несмотря на продолжающееся сокращение этого разрыва в последние 15 лет [GBD 2017 Mortality Collaborators, 2018].

4. *Различия в темпах роста населения*, относящегося к разным этническим и религиозным группам; сюда же, по-видимому, можно отнести и разноязычные группы населения.

5. *Высокая смертность среди взрослого населения работоспособного возраста*. Этот фактор действует в ряде развивающихся стран, а также практически во всех постсоветских странах. В развивающихся странах, или странах с низкими доходами, высокая смертность молодого населения связана с эпидемиями инфекционных заболеваний, включая эпидемию ВИЧ / СПИД. В постсоветских странах высокая смертность молодого мужского населения обусловлена другими причинами, в первую очередь неинфекционными заболеваниями и травмами. Наибольшее число потерянных лет жизни в постсоветских странах Восточной Европы (Беларусь, Латвия, Литва, Молдова, Россия, Украина и Эстония) в 2015 г. было обусловлено ишемической болезнью сердца, инсультами, самоповреждениями, раком легкого и дорожными травмами [GBD 2015 Mortality..., 2016]. В постсоветских странах Западной Азии (Армения, Азербайджан и Грузия) и Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) к числу главных убийц относятся ишемическая болезнь сердца, инсульты, инфекции нижних дыхательных путей, энцефалит у новорожденных и родовые осложнения у недоношенных новорожденных [GBD 2015 Mortality..., 2016].

6. *Миграция*, которая может влиять на безопасность как посылающих, так и принимающих стран [Nichiporuk, 2000]. В посылающих странах экономическая эмиграция молодежи приводит к уменьшению контингента для призыва в вооруженные силы,

сжатию и старению рынка труда. Зарубежные национальные диаспоры могут стать источником формирования сил для разжигания конфликта в посылающих странах. В принимающих странах приток беженцев способен «перегрузить» критическую инфраструктуру принимающей страны и / или существенно изменить этнический состав населения. Оба фактора могут провоцировать нестабильность и конфликты. Кроме того, в составе прибывающих беженцев могут оказаться члены радикальных движений различного толка.

7. *Старение населения и снижение его численности (депопуляция).* Вместе с тем для стареющих стран нехарактерен повышенный уровень экономической или политической нестабильности. Это замечание касается и тех постсоветских стран, в которых наблюдаются отчетливые явления старения населения, а также существуют угрозы депопуляции, например, Беларуси и России. В то же время ряд постсоветских стран, относящихся к категории демографически более «старых» (Армения, Грузия, Молдова и Украина), периодически испытывают гражданские и даже военные конфликты, однако их возникновение связано скорее с политическими, включая внешнеполитические, и экономическими факторами, а не с демографическими переменами. Тем не менее старение населения нередко рассматривается как демографический процесс, представляющий угрозу в первую очередь для развития общества и его экономической безопасности [Алешковский, 2012; Боков, 2015; Карманов и др., 2015; Рыбаковский, 2003; Clements et al., 2015; Clements et al., 2016; Leuprecht, 2011].

Анализ перечисленных факторов может лежать в основе диагностики и мониторинга «демографической безопасности», и для целей такого анализа предложено использовать панели соответствующих показателей [Рыбаковский, 2003; Смелов и др., 2015; Цвигун, 2017; Эпштейн и др., 2015].

Вместе с тем сами по себе демографические процессы и возникающие изменения не являются непосредственными угрозами национальной безопасности, а их роль в возникновении и поддержании кризисных ситуаций и конфликтов осуществляется через взаимодействие с другими факторами, в первую очередь политическими, а также социальными и экономическими (Nichiporuk, 2000). В основе формирования демографических угроз зачастую лежат неблагоприятные социально-экономические условия. Иллюстрацией может служить снижение продолжительности жизни в постсоветских странах в 1990-е гг. — явление, которое на мировом уровне было отмечено в те годы только в двух «суперрегионах»: Центральной и Восточной Европе, Центральной Азии и Субэкваториальной Африке, в последнем случае — из-за эпидемии ВИЧ / СПИД [GBD 2017 Mortality..., 2018].

Не представляя прямых угроз национальной безопасности, демографические процессы тем не менее могут служить *источниками* возникновения подобных угроз [Боков, 2015]. Например, изменение численности населения может приводить к перенаселению или, наоборот, к депопуляции, изменения в административно-географическом размещении населения — к избыточной урбанизации и сопутствующему обезлюдению сельских территорий, изменения структуры населения по полу, возрасту, этническому составу, семейному положению — к соответствующим диспропорциям в структуре населения и т.п. Таким образом, вместо демографических угроз и демографической безопасности точнее было бы говорить о сферах национальной безопасности, подверженных влиянию демографических факторов, и соответственно о демографических факторах, способствующих или предотвращающих возникновение угроз национальной безопасности. Существует также мнение, согласно которому установить прямую связь между демографическими изменениями и возникновением конфликтов, сопровождающихся насилием, крайне сложно. Угрозы национальной и международной безопасности формируются при определенных условиях — социальных, этнических, экономических и пр.,

которые и способствуют трансформации демографических процессов в угрозы безопасности [Goldstone, 2002].

Демографический переход и демографические угрозы

Большинство, если не все, демографические процессы, способные формировать угрозы безопасности и становиться пусковым или поддерживающим механизмом гражданских и военных конфликтов, обусловлены «демографическим переходом» [Cincotta, 2004]. Основным результатом демографического перехода является изменение возрастной структуры населения в ходе последовательного, а позднее одновременного, снижения смертности и рождаемости; значительный вклад в изменение возрастной структуры населения может вносить также миграция [Демографический переход, б. г.; United Nations, 2017].

Демографический переход вездесущ и, по-видимому, необратим, однако в разных регионах мира он протекает асинхронно. Так, страны с более высокими доходами, или более развитые страны, находятся на более поздних стадиях демографического перехода, доля населения старших возрастов в них высока и продолжает расти, в том числе за счет увеличения продолжительности жизни населения пожилого возраста, а сам переход в этих странах осуществляется сравнительно медленно. Страны с меньшими доходами, или менее развитые страны, демографически «молоды», они вступили на путь демографического перехода сравнительно недавно, однако он протекает гораздо быстрее, чем в демографически более «старых» странах [United Nations, 2017a].

На ранних стадиях демографического перехода, начинающегося с уменьшения смертности населения при сохранении высокой рождаемости, происходит значительное увеличение численности населения и в первую очередь молодого и молодого взрослого населения, что может приводить к возникновению «молодежного пузыря» (см. выше). Это явление, сопровождаемое концентрацией маргинализированной молодежи в городах, и, главное, отсутствием или неадекватностью мер социально-экономической политики, может способствовать формированию угроз для национальной безопасности.

Однако значительное увеличение абсолютного и относительного числа молодого взрослого населения лежит в основе и другого феномена — первого демографического дивиденда [Васин, 2008; Ли, Мэйсон, 2006]. Его суть заключается в том, что рост абсолютной и относительной численности молодого трудоспособного населения может потенциально способствовать экономическому процветанию, обеспечивая богатый человеческий и интеллектуальный капиталы и увеличивая размеры рынков труда и потребления. При постепенном снижении рождаемости включается дополнительный фактор демографического дивиденда: снижение относительного числа детей, приводящее к уменьшению демографической нагрузки и высвобождению дополнительных финансовых ресурсов, ранее направляемых на поддержание этой зависимой части населения.

Правительства зачастую пытаются «сдуть» демографический пузырь путем таких паллиативных мер, как поощрение эмиграции с одновременным облегчением поступления денежных переводов трудовых мигрантов в направляющую страну или привлечение молодежи к армейской службе и в полицейские силы [Cincotta, 2004]. Но есть и другие подходы, например, инвестиции в экономику, способствующие увеличению занятости, а также образовательные программы и программы, направленные на улучшение здоровья детей и молодежи [United Nations, 2017]. Эти подходы государственной политики могут стимулировать социальную и экономическую мобильность и трансформировать «молодежный пузырь» в источник квалифицированных работников, уплачивающих налоги и, таким образом, способствующих экономическому и социальному развитию

страны. Аналогично инфраструктурные инвестиции в растущую городскую среду могут предотвратить формирование трудностей и стимулировать экономический рост.

В странах, находящихся на поздних стадиях демографического перехода, основным демографическим феноменом выступает старение населения, которое происходит за счет продолжающегося снижения рождаемости и смертности и увеличения ожидаемой продолжительности жизни практически во всех возрастах, включая и поздние [Lesthaeghe, 2014]. Демографическая ситуация во многих «старых» странах дополняется еще депопуляцией, основным механизмом которой также является низкая рождаемость, а в ряде стран, в том числе постсоветских, — эмиграция.

Старение населения и депопуляция, если они не компенсируются как в ряде западноевропейских стран притоком молодых мигрантов, приводят к формированию демографического дефицита [Harper, 2014]. Это явление характеризуется уменьшением доли населения «трудоспособного» возраста и соответственным ростом общей демографической нагрузки за счет увеличения демографической нагрузки пожилыми. Демографический дефицит, как следствие двух взаимосвязанных демографических процессов — старения и депопуляции, при недостаточности или неадекватности мер политики может формировать угрозы для экономической безопасности. Однако и в условиях стареющего общества, находящегося на поздних стадиях демографического перехода, существуют демографические же предпосылки для разработки и осуществления компенсаторных или превентивных мер государственной политики в таких областях, как экономика, финансы, здравоохранение и образование [Bloom et al., 2015; Harper, 2014].

Понятно, что в условиях значительного демографического старения первый демографический дивиденд, обусловленный молодой структурой населения, перестает работать. Попытки же повернуть вспять демографический переход, в том числе путем стимулирования рождаемости, малопродуктивны из-за того, что предпосылки для определенного уровня рождаемости формируют предыдущие, уже состоявшиеся, демографические процессы, определяя объем когорты женщин детородного возраста [Центр стратегических разработок, 2017].

Ряд авторов обосновали существование второго демографического дивиденда, присущего обществу на поздних стадиях демографического перехода, когда наряду с низкой рождаемостью существует значительный прирост продолжительности жизни, в том числе «здоровой» жизни, практически во всех возрастах [Ли, Мейсон, 2006], возникающий в ходе «второго демографического перехода» [Lesthaeghe, 2014]. Этот прирост и составляет основу второго дивиденда, который состоит в возможности использовать «долгожительство», или «долголетие», для обеспечения устойчивого социального и экономического развития общества. Здоровое и активное долголетие позволит удлинить период трудовой занятости за пределы традиционного возраста выхода на пенсию и тем самым увеличить численность трудоспособной части населения и соответственно уменьшить демографическую нагрузку пожилыми. Удлинение периода занятости может, в свою очередь, обеспечить превышение условного числа «производителей» над условным числом «потребителей» или, в самом общем виде, повысить уровень производства и доходов относительно уровня потребления и расходов [Lee, Mason, 2010]. Этому же могут содействовать меры безопасной, регулярной и организованной миграции. Дополнительные доходы могут привести к увеличению сбережений, а их инвестирование — стимулировать экономический рост [United Nations, 2015]. Продуманная фискальная политика обеспечит устойчивое финансирование социальной защиты, охраны здоровья и социальных услуг.

Потенциал второго дивиденда усиливается мерами политики, направленными на согласование семейных и производственных обязанностей женщин и мужчин и привлечения женщин на рынок труда. Такие меры включают предоставление родительских от-

пусков обоим родителям, гибкие возможности трудоустройства для мужчин и женщин, обеспечение доступного ухода за детьми, членами семьи с инвалидностью и нуждающимися в уходе родственниками пожилого возраста [United Nations, 2017].

Перечисленные выше меры имеют главную цель: увеличить и улучшить человеческий капитал, что является основным условием реализации второго демографического дивиденда в обществе на любой стадии демографического перехода, в том числе в стареющем обществе [United Nations 2015, 2017]. Идеи использования демографических дивидендов для увеличения человеческого капитала близки к ранее высказанной концепции *жизненного потенциала поколения*, понимаемого как совокупное число прожитых данным поколением (реализованный потенциал) или ожидаемых (ожидаемый потенциал) человеко-лет [Вишневский и др., 2003]. Величина потенциала поколений определяется двумя переменными: численностью членов данного поколения и продолжительностью их жизни. Таким образом, удлинение ожидаемой продолжительности жизни в стареющем обществе может компенсировать уменьшение численности данного поколения из-за депопуляции, сопутствующей демографическому старению.

Еще один экономический фактор, связанный со вторым демографическим дивидендом, может помочь в адаптации к старению общества — расширение производства и рынка потребления за счет дополнительных продуктов и услуг для растущего населения пожилого возраста, или отрасль, получившая название «серебряная экономика» [European Union, 2018].

Конкретные подходы к использованию потенциала второго демографического дивиденда можно почерпнуть из основных международных документов в области старения, таких как Мадридский международный план действий по проблемам старения (ММПДС) [United Nations, 2002] и рамочная стратегия активного долголетия [World Health Organization, 2002]. Первое, и самое обширное, приоритетное направление ММПДС содержит перечень задач и действий для гармонизации процессов старения общества и его развития. Осуществление ММПДС в регионе Европейской экономической комиссии ООН (к этому региону принадлежат все постсоветские страны) направляется соответствующей региональной стратегией в рамках ММПДС [United Nations, 2002a].

Концепция и стратегия активного долголетия была сформулирована в 2002 г. Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) как вклад в подготовку Второй Всемирной ассамблеи по старению [World Health Organization, 2002]. Активное долголетие, по определению ВОЗ, состоит в оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества и безопасности с целью повышения качества жизни людей в ходе их старения. Соответственно этому определению формулировались действия для сохранения и улучшения здоровья людей пожилого возраста, их вовлечения в различные сферы общественной жизни, включая экономическую, а также для создания безопасного окружения — физического, психологического, социального. В Европейском союзе (ЕС) для проведения в 2012 г. Европейского года активного старения и солидарности поколений были отобраны три области действий: трудовая занятость; участие в жизни общества; самостоятельная (независимая) жизнь [European Union, 2015].

Таким образом, на разных этапах демографического перехода формируются как отрицательные, так и положительные последствия демографических перемен. Этот баланс проблем и возможностей создает предпосылки для принятия мер с целью предотвращения или устранения нежелательных последствий, в том числе тех, которые угрожают национальной безопасности. Одновременно государственная политика должна сосредоточиться не только и, может быть, не столько на борьбе и преодолении проблем, сколько на выявлении и использовании возможностей демографического перехода. ММПДС указывает именно на необходимость «направить деятельность по разработке политики

(в области старения) и ее осуществлению на достижение конкретной цели успешной адаптации к условиям стареющего мира» [ММПДС, § 14].

Демографические дивиденды могут обеспечить от 1,5 до 2,3% годового экономического роста, причем второй дивиденд потенциально превосходит первый и по величине, и по длительности действия [United Nations, 2017]. Однако ни первый, ни второй демографические дивиденды сами по себе не обеспечивают экономическое процветание и устойчивое социально-экономическое развитие общества, а значит, и экономическую безопасность. Чтобы извлечь выгоду из демографических дивидендов и одновременно предотвратить возможные угрозы национальной, в первую очередь экономической, безопасности, необходимы эффективные меры в таких ключевых областях государственной политики, как здравоохранение, семейная политика, образование и экономика.

Однозначно здоровье нации является важнейшей предпосылкой не только социального и экономического развития, прироста человеческого капитала, но и залогом национальной безопасности. Эффективная семейная политика призвана помочь регулировать рождаемость и замещение поколений, а также способствовать сохранению баланса семейных обязанностей и профессиональных интересов и карьерного роста родителей. В экономической сфере необходимо обеспечить растущую занятость, открытость для инвестиций и торговли. При этом соответствующие реформы должны проводиться постепенно и таким образом, чтобы защитить тех, кто может проиграть в переходных процессах. Эффективное государственное управление должно обеспечить укрепление верховенства закона, повышение эффективности государственных операций, уменьшение коррупции и гарантированное исполнение контрактов и обязательств как внутренних, так и международных [Nichiporuk, 2000]. Практически все меры государственной политики в этом коротком перечне призваны создать условия не только для устойчивого социального и экономического развития нации, но и для обеспечения национальной безопасности во всех ее ипостасях.

Возникновение кризисных ситуаций и гражданских конфликтов более вероятно в странах, находящихся на ранних стадиях демографического перехода, характеризующихся высокой рождаемостью и постепенно снижающейся смертностью. Если прирост молодого населения не сопровождается увеличением занятости в различных секторах национальной экономики или эмиграционным оттоком трудовых мигрантов, то «избыток» безработной и маргинализированной молодежи может формировать предрасположенность к возникновению гражданских и военных конфликтов. Это явление рассматривается в качестве основного демографического фактора, представляющего потенциальную угрозу для национальной безопасности. По мнению ряда авторов, вероятность возникновения такой угрозы возрастает, если «молодежный пузырь» формируется «асимметрично» в группах населения, различающихся по этническим, религиозным или другим характеристикам [Nichiporuk, 2000]. Это мнение подтверждается долгой историей религиозных, этнических кризисов и вооруженных конфликтов в ряде стран Азии и Африки.

До настоящего времени ни одна из стран на поздних этапах демографического перехода не испытывала политическую или экономическую нестабильность, каким-либо образом связанную с демографическими переменами. По-видимому, вероятность конфликтов снижается по мере падения уровня рождаемости и продвижения страны по пути демографического перехода. Хотя связи между демографическим переходом и демократическим переходом от авторитаризма к демократии неоднозначны, представляется, что на более поздних стадиях демографического перехода вероятность возникновения гражданских конфликтов снижается. При этом «неполные демократии», в которых гражданские свободы перемешаны с авторитарными ограничениями, более склонны к воз-

никновению государственных кризисов, чем «полные» демократии или авторитарные режимы [Esty et al., 1999]. Это предположение подтверждается при анализе взаимоотношений демографического перехода и политико-социально-экономического перехода в постсоветских странах. Предполагается, что государства на ранних этапах демографического перехода могут снизить риск возникновения гражданских конфликтов в ходе их трансформации в демократические общества с рыночной экономикой, если они ускорят процесс демографического перехода. Так, в ряде стран Восточной Азии существенное снижение рождаемости предшествовало основательным демократическим и рыночным реформам [Cincota, 2004]. Впрочем, это наблюдение вряд ли свидетельствует о наличии универсальной закономерности, по крайней мере не в постсоветских странах, где политические режимы до сих пор играли большую роль в обеспечении государственной стабильности, чем демографическая ситуация.

Еще одним «сдерживающим фактором» может служить степень участия страны в международной торговле. Вероятной основой для действия этого фактора, по-видимому, является доход от международной торговли, получение которого сдерживает национальные элиты от вовлечения в конфликты на национальном и международном уровнях [Goldstone, 2002].

Особенности демографического перехода в постсоветских странах

В формировании угроз национальной безопасности в странах, находящихся на разных стадиях демографического перехода, могут участвовать разные демографические факторы. В демографически «молодых» странах — это в первую очередь нерегулируемый рост численности населения, тогда как в демографически «старых» странах — это старение и депопуляция. Такие различия прослеживаются и на примере постсоветских стран. Из 15 бывших советских республик в дальнейшее изложение включены 12 стран; не рассматривается ситуация в трех странах Балтии — членах ЕС: Латвии, Литве и Эстонии.

Демографическая ситуация в постсоветских странах характеризуется рядом общих особенностей и при этом существенно различается [Данилова и др., 2018; Botev, 2012; Sidorenko, 2016]. Все 12 постсоветских стран можно условно разделить на две группы: демографически «более молодые» и демографически «более старые», или, по-другому, «находящиеся на более ранних стадиях демографического перехода» (РСДП-страны) и «находящиеся на более поздних стадиях демографического перехода» (ПСДП-страны). В первую группу входят Азербайджан и страны Центральной Азии (Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан), вторую группу составляют Армения, Грузия и страны европейской части бывшего СССР (Беларусь, Республика Молдова, Россия и Украина).

В таблице 1 представлены избранные демографические (медианный возраст) и социально-экономические (принадлежность к категориям «развития» и уровня дохода) характеристики стран из этих двух групп. В таблицу включены еще две группы стран: страны Юго-Восточной Азии и страны Западной Европы. С демографическими показателями этих двух групп автор сравнивает использованные в статье демографические показатели постсоветских стран. Географически близкие страны Юго-Восточной Азии выбраны в качестве группы «демографически более молодых» стран, а страны Западной Европы — «демографически более старых».

Таблица 1. Некоторые характеристики постсоветских стран

Страна	Медианный возраст, годы	Географический субрегион	Уровень развития страны (ООН)	Уровень дохода в стране (Всемирный банк)
Азербайджан	30,3	Западная Азия	МР	ВС
Казахстан	29,4	Центральная	МР	ВС
Кыргызстан	25,1	Азия	МР	НС
Таджикистан	22		МР	Н
Туркменистан	25,6		МР	ВС
Узбекистан	26,2		МР	НС
Армения	33,8	Западная Азия	МР	ВС
Беларусь	39,5	Восточная Европа	БР	ВС
Грузия	37,7	Западная Азия	МР	НС
Молдова	35,6	Восточная Европа	БР	НС
Россия	38,6		БР	ВС
Украина	40		БР	НС
Бруней-Даруссалам	29,9	Юго-Восточная	БР	В
Восточный Тимор	19,6	Азия	НР	НС
Вьетнам	30,5		МР	НС
Индонезия	28,5		МР	НС
Камбоджа	24		НР	НС
Лаос	22,8		НР	НС
Малайзия	28,2		МР	ВС
Мьянма	27,5		НР	НС
Сингапур	39,7		БР	ВС
Таиланд	37,9		МР	ВС
Филиппины	24,1			
Австрия	43,2	Западная Европа	БР	В
Бельгия	41,3			
Германия	45,9			
Люксембург	39,3			
Нидерланды	42,1			
Франция	41,2			
Швейцария	42,2			

Примечания. 1. Уровни развития страны: БР — более развитая; МР — менее развитая; НР — наименее развитая.

2. Уровни дохода в стране: В — высокий; ВС — высокий средний; НС — низкий средний; Н — низкий.

Источники: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Population Prospects 2019, Online edition:

<https://population.un.org/wpp/Download/Metadata/Documentation/>

World Bank Country and Lending Groups:

<https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519-world-bank-country-and-lending-groups>.

Демографические различия между двумя группами постсоветских стран по уровню рождаемости (рис. 1) и медианному возрасту населения (рис. 2) достаточно выразительны. При этом оба показателя в постсоветских «более молодых» странах группируются вокруг соответствующих показателей стран Юго-Восточной Азии, тогда как те же показатели в «более старых» странах располагаются вблизи показателей стран Западной Европы. Вместе с тем по показателям смертности взрослого населения (рис. 3), особенно мужского взрослого населения (рис. 4), обе группы постсоветских стран гораздо ближе к странам Юго-Восточной Азии, чем к странам Западной Европы, а в большинстве (8 из 12) постсоветских стран смертность взрослого населения превышает средний уровень смертности в странах Юго-Восточной Азии. Избыточная смертность взрослого населения характерна и для постсоветских стран, относящихся, по классификации ООН, к категории «более развитых стран» (см. табл. 1): Беларуси, Молдовы, России и Украины.

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости: а) страны на ранних стадиях демографического перехода; б) страны на поздних стадиях демографического перехода. Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Population Prospects 2019, custom data acquired via website. <https://population.un.org/wpp/DataQuery/>.

Рис. 2. Медианный возраст населения: а) страны на ранних стадиях демографического перехода; б) страны на поздних стадиях демографического перехода. Источник: см. рис. 1.

Рис. 3. Уровни смертности взрослого населения в возрасте от 15 до 60 лет (число смертей в возрасте до 60 лет на 1000 лиц, доживших до возраста 15 лет), 1950–2025 гг.: а) страны на ранних стадиях демографического перехода; б) страны на поздних стадиях демографического перехода. Источник: см. рис. 1.

Рис. 4. Уровни смертности взрослого мужского населения в возрасте от 15 до 60 лет (число смертей в возрасте до 60 лет на 1000 лиц, доживших до возраста 15 лет), 1950–2025 гг.: а) страны на ранних стадиях демографического перехода; б) страны на поздних стадиях демографического перехода. Источник: см. рис. 1.

Различия между постсоветскими странами очевидны и по показателю сальдо внешней миграции, характеризующему уровень и «направление» (иммиграция / эмиграция) миграционных процессов (рис. 5). По расчетам Отдела народонаселения ООН, среди РСПД-стран только в Азербайджане на протяжении последних 15 лет сохранялось положительное сальдо внешней миграции. В группе ПСДП-стран положительное значение этого индикатора фиксировалось в эти же годы в четырех странах: Беларуси, Молдове, России и Украине. Вместе с тем в этой же группе обнаружены и самые низкие (отрицательные) значения сальдо внешней миграции в Армении и Грузии (см. рис. 5).

Рождаемость, смертность и миграция определяют динамику изменения численности народонаселения. Эта динамика также различна в двух группах постсоветских стран (рис. 6). Во всех РСПД-странах, кроме Казахстана, в последние десятилетия наблюдается устойчивый рост численности народонаселения; в Казахстане на протяжении сравнительно короткого периода (1990–1995) численность населения снижалась. Все без исключения ПСДП-страны испытывали, и большинство из них продолжают испытывать, падение численности населения.

Беглый обзор различий и сходства ряда демографических характеристик двух групп постсоветских стран свидетельствует о значительных изменениях демографического пейзажа в этих странах. В РСПД-странах эти изменения происходят по сценарию раз-

Рис. 5. Сальдо внешней миграции (на 1000 населения): а) страны на ранних стадиях демографического перехода; б) страны на поздних стадиях демографического перехода. Источник: см. рис. 1.

Рис. 6. Средний ежегодный уровень изменения численности населения (%): а) страны на ранних стадиях демографического перехода; б) страны на поздних стадиях демографического перехода. Источник: см. рис. 1.

вивающихся стран с продолжающимся ростом народонаселения и сравнительно медленным старением. В ПСДП-странах наблюдаются во многом противоположные процессы: отчетливое старение населения и снижение его численности. Процессы разной направленности и интенсивности формируют особенности возрастной структуры населения: в РСДП-странах «молодая» возрастная структура населения близка к таковой в развивающихся странах Юго-Восточной Азии и других развивающихся регионов, а в ПСДП-странах — в развитых странах Западной Европы (рис. 7).

Рис. 7. Возрастная структура населения, оба пола (%), 2015 г. Источник: см. рис. 1.

В «молодой» структуре населения РСДП-стран соответственно увеличивается и относительное число людей младших возрастов среди населения «трудоспособного», или «продуктивного», возраста (20–64 года) при незначительном приросте населения старших возрастов (65+), тогда как в ПСДП-странах постепенное уменьшение численности населения «трудоспособного» возраста сопровождается ощутимым приростом численности населения старших возрастов. Различия в возрастной структуре народонаселения между двумя группами постсоветских стран отчетливо отображаются одним из показателей экономической демографии — индексом потенциальной поддержки. Значения этого индекса в РСДП-странах в 2–4 раза превосходят соответствующие значения в ПСДП-странах (рис. 8). Высокие показатели индекса указывают на наличие в РСДП-странах временного, хотя и постепенно уменьшающегося, демографического потенциала — первого демографического дивиденда — для преодоления негативных последствий демографического перехода. ПСДП-странам рассчитывать на первый демографический дивиденд уже поздно, хотя индекс потенциальной поддержки в этих странах и несколько выше, чем в странах Западной Европы. В ПСДП-странах использование второго демографического дивиденда может составить основу для преодоления нежелательных последствий демографического перехода.

Рис. 8. Индекс потенциальной поддержки (20–64/65+): а) страны на ранних стадиях демографического перехода; б) страны на поздних стадиях демографического перехода. Источник: см. рис. 1.

Вызовы, возможности и решения

Этот раздел статьи посвящен подходам стран ЕС и постсоветских стран к решению проблем, связанных с демографическим переходом и вопросами национальной безопасности. Основное внимание уделено обзору соответствующих государственных документов.

Особенности демографического перехода в постсоветских странах отражаются в демографической и политической терминологиях, используемых экспертным сообществом этих стран. Так, например, в русскоязычной литературе употребляется термин «активное долголетие» вместо термина «активное старение», который был использован ВОЗ в названии и тексте рамочной стратегии [World Health Organization, 2002] и распространился практически во всех странах мира. Причина этого замещения связана с особенностями демографических процессов в постсоветских странах, в том числе с явлением «ускоренного старения», которое приобрело в этих странах отрицательное содержание [Sidorenko, Zaidi, 2013]. Другим примером может служить термин «срок, или период, дожития», отражающий укорененное негативное отношение управленческих и, вероятно, ряда экспертных сообществ постсоветских стран к процессам и последствиям демографического старения.

Семантические особенности выявляются и в сфере, которая может быть отнесена к рассматриваемой в этой статье «демографической безопасности». Такие формулировки, как «демографический кризис», «демографическая яма», «демографический коллапс», «демографическая катастрофа», «разрушение государственности» и прочие, весьма распространены в русскоязычной научной литературе и средствах массовой информации при описании демографической ситуации в постсоветских странах.

В странах ЕС термины «демографическая безопасность» и «демографические угрозы» практически не употребляются, их эквивалентами, но не синонимами, выступают такие термины, как «демографические изменения», «демографические воздействия», «демографические последствия», «демографические вызовы» и реже — «демографические проблемы». Среди демографических вызовов стран ЕС выделяют низкую («незамещающую») рождаемость, старение и иммиграцию [May, 2015]. К категории «внутренних», региональных, негативных демографических процессов в ЕС причисляют депопуляцию в отдаленных, приграничных и сельских районах, а также в районах промышленного упадка и нарастающую миграцию более молодого населения в городские поселения [European Union, 2019]. Перечисленные вызовы практически совпадают с таковыми в постсоветских странах.

«Положительная» терминология в странах — не просто дань политической корректности, она отражает отношение общества к осознанным вызовам и основную направленность мер политики. Содержанием европейской политики в области народонаселения являются меры, направленные на смягчение и, по возможности, устранение проблем путем адаптации численности и возрастной структуры населения к правам, потребностям и чаяниям людей [May, 2015]. Заметим, что в этом определении отсутствуют ссылки на обеспечение геополитического статуса и военной мощи, сохранение территориальной целостности или преимуществ титульной нации. Все сказанное выше отнюдь не означает, что в ЕС найдены и воплощены идеальные и продуктивные ответы на демографические вызовы. Более того, во многих европейских странах вопросы народонаселения еще не стали приоритетными, и инертность в этой области национальной политики ощутима [May, 2015].

Многие европейские правительства не удовлетворены демографическими процессами в своих странах, причем чем дальше на Восток, тем больше неудовлетворенность [Lutz, 2008]. Такое мнение подтверждается сведениями, полученными Отделом ООН по вопросам народонаселения от правительств разных стран мира, в том числе постсоветских стран. Эти сведения содержатся во Всемирной базе данных по политике в области народонаселения [World Population Policies Database]. Материалы Всемирной базы данных отражают взгляды правительств на состояние и важность ряда основных демографических показателей и процессов в своих странах: численность, рост и распределение населения; рождаемость, планирование семьи и репродуктивное здоровье; состояние здоровья и смертность; внутренняя и международная миграции. Абсолютное большинство мнений, высказанных правительствами постсоветских стран о внутренней демографической ситуации, носит отрицательный характер. Такие взгляды достаточно обоснованы, учитывая описанные в предыдущем разделе особенности демографического перехода и его последствия в постсоветских странах: высокая смертность, ускоренное старение и нерегулируемая миграция. ММДПС отмечает, что страны с переходной экономикой сталкиваются с особыми трудностями при реагировании на возможности и проблемы старения населения в XXI в. [United Nations, 2002]. Это замечание вполне применимо и к другим последствиям демографического перехода в постсоветских странах [Sidorenko, 2016].

Различия демографической ситуации в двух группах постсоветских стран предполагают различия вытекающих проблем и соответствующих решений. Демографическую ситуацию в ряде РСДП-стран, например, в Азербайджане, Кыргызстане и Узбекистане, эксперты оценивают как сравнительно спокойную, без признаков кризиса, отмечая ряд проблем, например, безработицу среди молодежи и стихийный, нерегулируемый характер внутреннего перемещения населения [Крыжанова, Саламатин 2015; Максакова, 2012; Эфендиев, Асадов, 2017].

Иная демографическая обстановка и ее оценки доминируют в ПСДП-странах. Практически во всех странах этой группы наблюдаются явления ускоренного старения

и депопуляции или же такие явления прогнозируются в скором будущем. Экспертами и политическим руководством ПСДП-стран эти явления расцениваются как угрозы демографической безопасности.

Беларусь первой из постсоветских стран употребила термин «демографическая безопасность» в своих законодательных документах; позже сходная терминология была использована в документах государственной политики Молдовы и Грузии.

Парламентом Беларуси 04.02.2002 был принят закон РБ № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь», который установил «правовые и организационные основы обеспечения демографической безопасности» страны [Закон «О демографической...», 2002]. Закон 2002 г. послужил основой для разработки и утверждения правительством Беларуси последовательного ряда национальных программ демографической безопасности. Главными приоритетами программ демографической безопасности явились рождаемость, заболеваемость и смертность, миграция, возрастная структура населения и демографическое старение. В настоящее время действует Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016–2020», целями которой являются стабилизация численности населения и увеличение ожидаемой продолжительности жизни [Государственная..., 2016].

За Беларусь последовала Молдова. В 2011 г. правительство республики утвердило «Национальную стратегическую программу в области демографической безопасности Республики Молдова (2011–2025 гг.)». Программа включает 11 стратегических направлений, которые касаются вопросов рождаемости, продолжительности жизни, миграции, возрастной структуры и старения населения. Помимо чисто демографических программ содержит социальные направления, такие как создание равных возможностей для всех социальных групп и развитие солидарности между поколениями [Национальная..., 2011].

В 2016 г. к Беларуси и Молдове присоединилась Грузия. Парламент Грузии одобрил Концепцию демографической безопасности Грузии, которая включает четыре приоритетные области: 1) рождаемость, сексуальное и репродуктивное здоровье; 2) заболеваемость и смертность; 3) миграция; 4) структура и старение населения. Для каждой приоритетной области в Концепции предложены перечни соответствующих приоритетных действий [Грузия, 2016].

Обеспокоенность вопросами народонаселения очевидна и в двух других ПСДП-странах — России и Украине. Эта обеспокоенность обоснована и детализирована во множестве научных публикаций, часть из которых уже цитировалась в этой статье. Тем не менее в обеих странах государственная политика по вопросам демографической безопасности не оформлена в виде отдельных законодательных или правительственных документов, но это не значит, что вопросам демографической безопасности нет места в государственной политике.

Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной в 2015 г. [Указ Президента..., 2015], «обеспечение стабильного демографического развития страны» упоминается в перечне «национальных интересов», хотя демографическая безопасность и не включена в перечень «стратегических национальных приоритетов», осуществление которых призвано обеспечить национальные интересы России. Вместе с тем необходимость создавать «условия для стимулирования рождаемости, снижения смертности населения, ведения здорового образа жизни, развития массового детско-юношеского спорта» и организовывать «пропаганду здорового образа жизни» упомянута в разделе, посвященном национальному приоритету «Повышение качества жизни российских граждан» (ст. 53). В национальном приоритете «Здравоохранение» сформулирована стратегическая цель: «увеличение продолжительности жизни, снижение уровня инвалидности и смертности населения, увеличение численности населения» (ст.

71). Наконец, в число «Основных показателей, необходимых для оценки состояния национальной безопасности» включен показатель «ожидаемая продолжительность жизни» (ст. 115).

В законе «Об основах национальной безопасности Украины» [Закон «Об основах...», 2003] вопросы демографии были включены в число приоритетов национальных интересов и упомянуты среди угроз национальным интересам и национальной безопасности. Сохранение и укрепление демографического и «трудоресурсного» потенциала страны и преодоление кризисных демографических процессов составили одно из направлений государственной политики по вопросам национальной безопасности. При этом прямого упоминания «демографической безопасности» в законе 2003 г. не было. В 2018 г. парламент Украины утвердил новый закон «О национальной безопасности Украины» взамен закона 2003 г. [Закон «О национальной..., 2018]. В новом законе демографическая ситуация в стране не нашла никакого отражения. Ранее в этой стране был разработан проект закона «О демографической безопасности Украины», однако этот закон так и не был принят, в частности, из-за недостаточного научного обоснования предложенных действий [Гришнова, Харазшвили, 2019].

Заключение

Политику любого государства в области народонаселения составляют попытки воздействовать на три основных механизма демографического перехода: рождаемость, смертность и миграцию. Другими словами, традиционная «демографическая политика» пытается изменить два ключевых параметра: численность населения и его возрастную структуру. При этом чаще всего такая политика направлена на преодоление или предотвращение негативных последствий демографических перемен, например, депопуляции, и гораздо реже — на адаптацию и использование открывающихся возможностей. Адаптация к необратимо меняющейся демографической ситуации требует приспособить к ней общественные институты и переосмыслить многие подходы государственной политики [Вишневский и др., 2003].

Сами по себе демографические процессы нейтральны и не несут прямых угроз для национальной безопасности, а соответствующие демографические показатели лишь указывают (т.е. являются *индикаторами*) на происходящие изменения в численности и структуре населения. Заключение о позитивном или негативном, угрожающем, характере происходящих в обществе перемен может быть сделано на основе анализа социальных и экономических явлений, сопряженных с демографическими переменами. Именно социально-экономические явления, такие как бедность, вымирание сел, экономический упадок регионов и пр., а не уровни рождаемости, смертности или сальдо миграции могут стать пусковыми и поддерживающими механизмами политических, гражданских и военных кризисов и конфликтов.

Содержание «политики демографических переходов» составляют меры *предотвращения* и *преодоления* негативных последствий демографических перемен, а также *адаптации* к уже произошедшим и зачастую необратимым демографическим переменам [Центр стратегических разработок, 2017; Lutz, 2008; United Nations, 2017]. Практически все три группы мер относятся к сферам социальной политики (здравоохранение, образование, социальная защита и пр.) и экономической политики (труд и занятость, налоги и бюджет, инвестиции и пр.). Разумеется, ничего нового нет в заключении о том, что демографическая политика есть политика социальных и экономических воздействий, основанная в том числе на анализе демографических показателей. Но уместно будет подчеркнуть, что решение проблем, связанных с демографическим переходом в постсоветских стра-

нах, должно опираться не на попытки непременно повысить рождаемость или принять запретительные миграционные законы, а на разработку адекватных, своевременных и устойчивых мер социальной и экономической направленности.

Другим важным аспектом политики в области народонаселения может стать замена количественного подхода преимущественно качественным подходом. Целью такого подхода будет не «стабилизация популяций» (по сути, предотвращение перенаселения или депопуляции), а создание качественного, «сбалансированного» человеческого капитала [Lutz, 2008]. Лютц предлагает задуматься над созданием «популяционного баланса», при котором обеспечивается «не слишком высокая, не слишком низкая» рождаемость, допускающая умеренное уменьшение размеров популяционных когорт. Влияние уровня рождаемости на уровень (качество) жизни населения неоднозначно, поскольку оно опосредуется как на макроэкономическом уровне (собираемость налогов и состояние бюджета), так и на индивидуальном (семейные и индивидуальные расходы). Анализ национальных счетов свидетельствует, что умеренно низкая рождаемость и сокращение населения способствуют повышению материального уровня жизни [Lee et al., 2014]. Создание «популяционного баланса» предполагает одновременно с уменьшением рождаемости улучшение человеческого капитала благодаря мерам в области образования и здравоохранения. Таким образом, целью государственной политики становится не регулирование численности народонаселения, а формирование человеческих ресурсов для достижения самого высокого из возможных уровня жизни для всех граждан [Lutz, 2008; Basten et al., 2012]. Такая цель вполне согласуется с целями устойчивого развития ООН, достижение которых призвано «обеспечить, чтобы все люди могли реализовать свой потенциал в условиях достоинства и равенства и в здоровой окружающей среде... (и) могли жить в условиях процветания и благополучия» [ООН, 2015].

Необходимость качественного, а не сугубо количественного, подхода к решению вопросов, связанных с демографической ситуацией, осознается и в постсоветских странах, например в России [Алешковский, 2012; Вишневский и др., 2003; Елизаров, 2018; Центр стратегических разработок, 2017; Эпштейн и др., 2013] и ряде других стран [Елизаров и др., 2018; Крыжанова, Саламатин, 2015; Либанова, 2015]. В разделах Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г., затрагивающих вопросы демографической ситуации в стране, упор сделан именно на меры социальной и экономической политики. В национальном приоритете Стратегии «Повышение качества жизни российских граждан» приведена стратегическая цель развития человеческого потенциала (ст. 50).

Попытки повернуть вспять демографический переход, в том числе стимулируя рождаемость, сегодня представляются бесперспективными. Устойчивое развитие государства и его безопасность будут определяться не усилиями по восстановлению утраченного status quo, а главным образом успешными мерами по адаптации к внутренним и внешним переменам, включая демографические.

Литература

- Алешковский И.А. (2012) *Демографический кризис как угроза национальной безопасности России* // Век глобализации. 2: 96–114.
- Боков А.Н. (2015) *Демографические угрозы как объект статистического исследования* // Экономика, статистика и информатика. 3: 157–163.
- Васин С. (2008) *Прощание с демографическим дивидендом* // Демоскоп Weekly. 317 — 318. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0317/tema01.php>

- Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. (2003) Перспективы развития России: роль демографического фактора. Научные труды № 53Р. М.: Институт экономики переходного периода. 90 с.
- Глушкова В.Г., Хорева О.Б. (2014) *Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения* // Вестник Финансового университета. (3): 14–25.
- Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы (2016). URL: <http://www.government.by/upload/docs/filecd0f8a76b95e004.PDF>.
- Гришнова О.А., Харазишвили Ю.М. (2019) Демографическая безопасность Украины: индикаторы, уровень, угрозы // Демография и социальная экономика. 2(36): 65–80.
- Грузия (2016). Концепция демографической безопасности Грузии. Утверждена парламентом Грузии 24 июня 2016 г. Неофициальный перевод. Собственная информация.
- Данилова И.А., Дмитриев Р.В., Потанина Ю.А. (2018) Численность населения и демографические структуры / Под ред. М.Б. Денисенко, Р.В. Дмитриева, В.В. Елизарова. Демографическое развитие постсоветского пространства. Сб. статей и аналитических материалов // Демографические исследования. 27: 11–54.
- Демографический переход. Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/economics/text/1946892>.
- Елизаров В.В. (2018) Демографическая и семейная политика в России. Демографическое развитие постсоветского пространства. Сб. статей и аналитических материалов / Под ред. М.Б. Денисенко, Р.В. Дмитриева, В.В. Елизарова. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова 27: 156–168.
- Елизаров В.В., Джанаева Н.Г., Синица А.Л., Потанина Ю.А. (2018) Демографическая и семейная политика в странах СНГ. Демографическое развитие постсоветского пространства. Сб. статей и аналитических материалов / Под ред. М.Б. Денисенко, Р.В. Дмитриева, В.В. Елизарова. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова 27: 169–181.
- Закон «Об основах национальной безопасности Украины» (2003). Документ 964-IV. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/964-15?lang=ru>.
- Закон «О национальной безопасности Украины» (2018). Документ 2469-VIII. <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2469-19?lang=ru>.
- Закон Республики Беларусь от 04.01.2002 № 80-3 «О демографической безопасности Республики Беларусь» (2002). URL: <http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/odemograficheskoy-bezopasnosti.pdf>
- Карманов М.В., Кучмаева О.В., Петрякова О.Л. (2015) Демографическая безопасность: теория, методология, оценка // Экономика, статистика и информатика. 4: 123–128.
- Крыжанова Л.С., Саламатин А.А. (2015) Социально-демографическая безопасность Кыргызской Республики // Вестник КРСУ. 15 (8): 92–95.
- Ли Р., Мэйсон Э. (2006) *Что такое демографический дивиденд?* // Финансы & развитие. 43: (3): 16–17.
- Либанова Э.М. (ред.) (2015) Человеческое развитие в Украине. Модернизация социальной политики: региональный аспект. Коллективная монография. Институт демографии и социальных исследований им. М.В. Птухи НАН Украины. Киев. 356 с.
- Максакова Л. (2012) Демографическая ситуация в Узбекистане с точки зрения социальной безопасности // Центральная Азия и Кавказ. 15(3): 24–37.
- Национальная стратегическая программа в области демографической безопасности Республики Молдова (2011–2025 гг.) (2011). URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=340745&lang=2>.

- ООН (2015) Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. «70/1. Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года».
- Рыбаковский Л. (2003) Демографическая безопасность // Журнал личной, национальной и коллективной безопасности. 3: 124–156.
- Смелов П.А., Карманов М.В., Романов А.А. (2015) К вопросу о теоретических подходах к оценке демографической безопасности // Экономика, статистика и информатика 46: 164–169.
- Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201512310038.pdf>.
- Цвигун И. (2017). Система показателей оценки демографической безопасности Украины (Цвигун І.А. Система показників оцінки демографічної безпеки України). // Економіка і суспільство. (10): 552–559.
- Центр стратегических разработок (2017). Демографические вызовы России. Экспертно-аналитический доклад. М.
- Эпштейн Н.Д., Егорова Е.А., Карманов М.В., Смелов П.А., Карманов А.М. (2013) Методология анализа демографической безопасности и миграции населения. М.: Финансы и статистика, 2013. 168 с.
- Эфендиев Р.Д., Асадов Н.Ш. (2017) Важнейшие аспекты демографического развития в Азербайджане за 25 лет независимости республики // Економіка та держава. 6: 51–57.
- Basten S., Lutz W., Scherbov S. (2013). Very long range global population scenarios to 2300 and the implications of sustained low fertility // Demographic Research. 28 (Article 39): 1145–1166.
- Bloom D.E., Chatterji S., Kowal P., Lloyd-Sherlock P., McKee M., Rechel B., Rosenberg L., Smith J.P. (2015) Macroeconomic implications of population ageing and selected policy responses // Lancet. 385: 649–657.
- Botev N. (2012). Population ageing in Central and Eastern Europe and its demographic and social context // European Journal of Ageing. 9 (1): 69–79.
- Cincotta R.P. (2004) Demographic Security Comes of Age. ECSP Report, 2004, Issue 10, pp. 24–29.
- Cincotta R.P., Engelman R., Anastasion D. (2003) *The Security Demographic. Population and Civil Conflict after the Cold War*. USA: Washington, DC, Population Action International. 103 pp.
- Clements B., Dybczak K., Gaspar V., Gupta S., Soto M. (2015) The Fiscal Consequences of Shrinking Populations. IMF Staff Discussion Note SDN/15/21. International Monetary Fund 34 pp. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2015/sdn1521.pdf>.
- Clements B., Dybczak K., Soto M. (2016) Older and Smaller. Finance & Development. 53: (1) URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2016/03/clements.htm>.
- Esty D.C., Goldstone J.A., Gurr T.R., Harff B., Levy M., Dabelko G.D., Surko P.T., Unger A.N. (1999) State Failure Task Force Report: Phase II Findings // Environmental change & security project report, issue 5, 49–72.
- European Union (2015). European Year for Active Ageing and Solidarity between Generations (2012). European Implementation Assessment. Brussels: European Union. 32 p.
- European Union (2018) The Silver Economy. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/silver-economy-study-how-stimulate-economy-hundreds-millions-euros-year>
- European Union (2019). Demographic trends in EU regions. Briefing. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633160/EPRS_BRI\(2019\)633160_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633160/EPRS_BRI(2019)633160_EN.pdf)
- GBD 2015 Mortality (2016) and Causes of Death Collaborators Global, regional, and national life expectancy, all-cause mortality, and cause-specific mortality for 249 causes of death, 1980–2015: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2015. // Lancet. 388: 1459–1544.

- GBD 2017 Mortality (2018) Collaborators Global, regional, and national age-sex-specific mortality and life expectancy, 1950–2017: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2017 // *Lancet*. 392: 1684–735.
- Goldstone J.A. (2002) Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // *Journal of International Affairs*. 56: 1: 3–22.
- Harper S. (2014). Economic and social implications of aging societies. *Science* 346: (6209) 587–591.
- Lee R., Mason A. (2010). Some macroeconomic aspects of global population aging // *Demography*. 47 (1): 151–172.
- Lee R., Mason A. and members of the NTA Network (2016) Is low fertility really a problem? Population aging, dependency, and consumption // *Science*. 346 (6206): 229–234.
- Lesthaeghe R. (2014). The second demographic transition: A concise overview of its development. *PNAS*. 111 (51): 18112–18115.
- Leuprecht C. (2011) International security strategy: The socio-demographic and economic dawn of a new day. Austria Institut für Europa und Sicherheitspolitik. 40 p.
- Lutz W. (2008) What should be the goal of population policies? Focus on ‘Balanced Human Capital Development’. Vienna Yearbook of Population Research. P. 17–24.
- May J. F. (2015) Population Policies in Europe. *L’Europe en formation*. 377: 136–150.
- Nichiporuk B. (2000). *The Security Dynamics of Demographic Factors*. Santa Monica, CA — Washington, D.C.: RAND. 80 p.
- Sidorenko A. (2016) Challenges and opportunities of population ageing in the CIS+ countries. // *International Journal on Ageing in Developing Countries*. 1(1): 20–39.
- Sidorenko A., Zaidi A. (2013). Active ageing in CIS countries: Semantics, challenges, and responses // *Current Gerontology and Geriatrics Research*: Article ID 261819, 17 p. URL: <http://dx.doi.org/10.1155/2013/261819>.
- United Nations. (2002). *Madrid International Plan of Action on Ageing*. New York: United Nations.
- United Nations (2002a). Economic Commission for Europe (UNECE). *The Regional Implementation Strategy for the Madrid International Plan of Action on Ageing 2002*. ECE/AC.23/2002/2/Rev.6. Geneva, Switzerland: UNECE.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015). *World Population Ageing 2015* (ST/ESA/SER.A/390). New York: United Nations.
- United Nations (2017) Changing population age structures and sustainable development (ST/ESA/SER.A/XXX). New York: United Nations.
- United Nations (2017a) World Population Ageing, 2017 (ST/ESA/SER.A/408). New York: United Nations.
- World Health Organization (2002) Active Ageing—A Policy Framework. A contribution of the World Health Organization to the Second United Nations World Assembly on Ageing, Madrid, Spain, April 2002. Geneva, Switzerland: World Health Organization 60 pp.
- World Population Policies Database.
https://esa.un.org/poppolicy/about_database.aspx

Сведения об авторе

- Александр Сидоренко, старший консультант Европейского центра политики и исследований в области социального благосостояния. E-mail : sidorenko.alexandre@gmail.com